

ПЕРВЫЕ
КНИЖКИ
О ЖИВОТНЫХ

М. Пришвин

Рассказы О ПРИРОДЕ

Аванта

ПЕРВЫЕ КНИЖКИ
О ЖИВОТНЫХ

М. Пришвин

Рассказы

О ПРИРОДЕ

Аванта

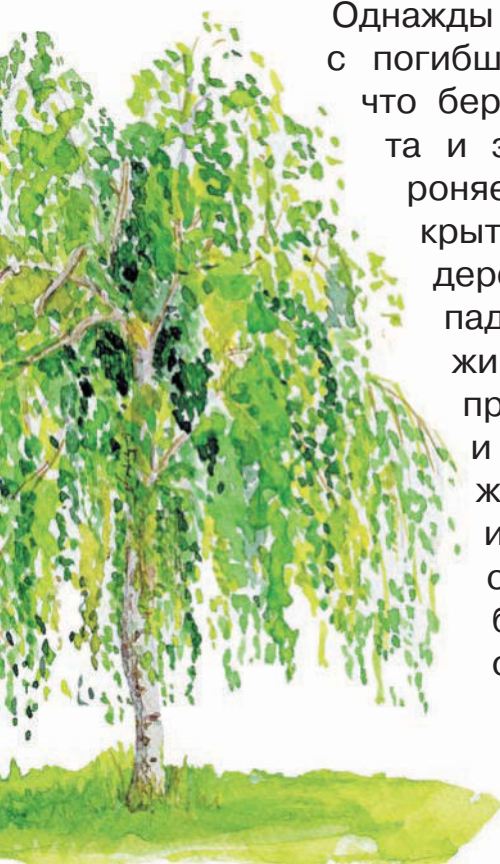
ЭТАЖИ ЛЕСА

Уптиц и зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях, в самом низу; разные птички, вроде соловья, вьют свои гнёздышки прямо на земле; дрозды — повыше, на кустарниках; дупляные птицы — дятлы, синички, совы, — ещё повыше, на разной высоте по стволу дерева, и на самом верху селятся хищники: ястреба и орлы.

Мне пришлось однажды наблюдать в лесу, что у них, зверушек и птиц, с этажами не как у нас в небоскрёбах: у нас всегда можно с кем-нибудь поменяться этажами, у них каждая порода живёт непременно в своём этаже.

Однажды на охоте мы пришли к полянке с погибшими берёзами. Это часто бывает, что берёзы дорастут до какого-то возраста и засохнут. Другое дерево, засохнув, роняет на землю кору, и оттого непокрытая древесина скоро гниёт и всё дерево падает. У берёзы же кора не падает, эта смолистая белая снаружи кора — береста — бывает непроницаемым футляром для дерева, и умершее дерево долго стоит, как живое. Даже когда и сгниёт дерево и древесина превратится в труху, отяжёлённую влагой, с виду белая берёза стоит, как живая. Но стоит, однако, хорошенько толкнуть такое

Береста

дерево, как вдруг оно разломится всё на тяжёлые куски и упадёт. Валить такие деревья — занятие очень весёлое, но и опасное: куском дерева, если не увернёшься, можно здорово хватить себя по голове. Но всё-таки мы, охотники, не очень боимся, и когда попадаем к таким берёзам, то друг перед другом начинаем их рушить.

Так пришли мы к полянке с такими берёзами и обрушили довольно высокую берёзу. Падая, в воз-

Мыши-малютки

духе она разломилась на несколько кусков, и в одном из них было дупло с гнездом гаечки. Маленькие птенчики при падении дерева не пострадали, только вместе со своим гнёздышком вывалились из дупла. Голые птенцы, покрытые пёрышками, раскрывали широкие красные рты и, принимая нас за родителей, пищали и просили у нас червячка. Мы раскопали землю, нашли червяков, дали им перекусить. Они ели, глотали и опять пищали.

Очень скоро прилетели родители: гаечки-синички, с белыми пухлыми щёчками и с червячками во ртах, сели на рядом стоящих деревьях.

— Здравствуйте, дорогие, — сказали мы им, — вышло несчастье; мы этого не хотели.

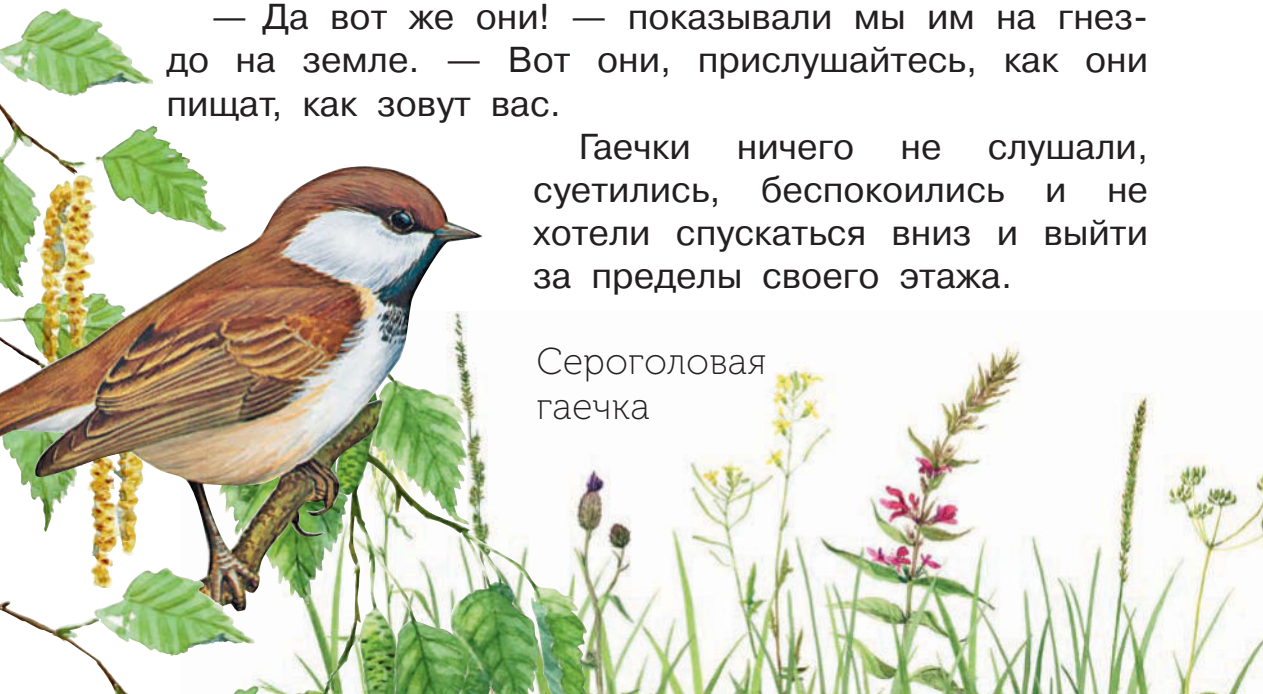
Гаечки ничего не могли нам ответить, но, самое главное, не могли понять, что такое случилось, куда делось дерево, куда исчезли их дети.

Нас они нисколько не боялись, порхали с ветки на ветку в большой тревоге.

— Да вот же они! — показывали мы им на гнездо на земле. — Вот они, прислушайтесь, как они пищат, как зовут вас.

Гаечки ничего не слушали, суетились, беспокоились и не хотели спускаться вниз и выйти за пределы своего этажа.

Сероголовая
гаечка

— А может быть, — сказали мы друг другу, — они нас боятся? Давай спрячемся.

И спрятались.

Нет! Птенцы пищали, родители пищали, порхали, но вниз не спускались.

Мы догадались тогда, что у птичек не как у нас в небоскрёбах, они не могут перемениться этажами: им теперь просто кажется, что весь этаж с их птенцами исчез.

— Ой-ой-ой, — сказал мой спутник, — ну какие же дурачки! Жалко и смешно: такие славные, и с крылышками, а понять ничего не хотят.

Тогда мы взяли тот большой кусок, в котором находилось гнездо, сломили верх соседней берёзы и поставили на него наш кусок с гнездом как раз на такую высоту, на какой находился разрушенный этаж.

Нам недолго пришлось ждать в засаде: через несколько минут счастливые родители встретили своих птенчиков.

ДЕРГАЧ И ПЕРЕПЁЛКА

В середине лета и соловей и кукушка перестают петь, но почему-то ещё долго, пока не скосят траву и рожь, кричат дергач и перепёлка. В это время, когда всё смолкает в природе от больших забот по выращиванию малышей, выйдите за город после вечерней зари, и вы непременно услышите, как дергач кричит, вроде как бы телушку зовёт из всей мочи: «Тпрусь, тпрусь». И вслед за тем перепёлка очень торопливо и отрывисто, похоже на слова: «Вот идёт», «вот ведёт».

Раз я спросил бабушку, как это она понимает: почему дергач кричит «тпрусь», а перепёлка «вот идёт, вот ведёт». Старушка рассказала про это сказочку:

«Дергач сватался весной к перепёлке и обещался ей телушку привезть. Наговорил ей, как они хорошо будут жить с коровушкой, молочко попивать и сметанку лизать. Обрадовалась перепёлка

Дергач

и согласилась с радостью жить с дергачом, обласкала его, угостила всеми своими зёрнышками. А дергачу только это и надо было, чтобы посмеяться над перепёлкой. Ну, какая же, правда, у дергача может быть корова — одно слово дергач голоногий, бесштаный насмешник.

Вот когда смеркается и перепёлке ничего не видно на лугу, дергач сядет под кустик и зовёт нарочно корову: — Тпрусь, тпрусь! А перепёлка дождалась, — рада; думает, дергач и вправду корову ведёт. Хозяйственная она, перепёлка, радость радостью, а забота сама собой одолевает: нет у неё хлева, куда девать ей корову. — Тпрусь, тпрусь! — кричит дергач. А перепёлка беспокоится: — Вот идёт. — Вот ведёт. — Хлева нет. — Негде деть. Так всю ночь дразнит и беспокоит дергач перепёлку от вечерней зари до утренней.»

Перепёлка

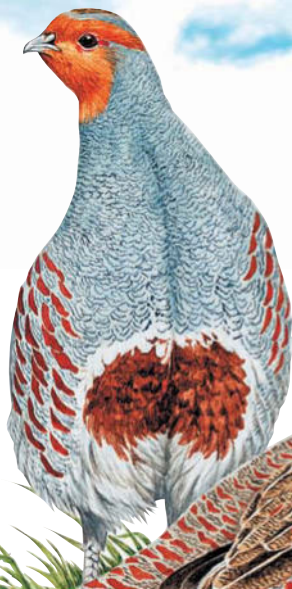
ДЕРГАЧ (КОРОСТЕЛЬ) И ПЕРЕПЁЛКА —
РАЗНЫЕ ВИДЫ ПТИЦ, НО ВНЕШНЕ ОНИ ПОХОЖИ.

ДЕРГАЧ

ПЕРЕПЁЛКА

КУРОПАТКИ

РОДСТВЕННИКИ
ПЕРЕПЁЛКИ —
КУРОПАТКИ
И ТУРАЧИ.

РОДСТВЕННИКИ ДЕРТАЧА —
БЕКАС, ЖУРАВЛЬ, ПОГОНЫШ.

СЕРЫЙ
ЖУРАВЛЬ

БЕКАС

ПОГОНЫШ

БЕЛИЧЬЯ ПАМЯТЬ

Сегодня, разглядывая на снегу следы зверушек и птиц, вот что я по этим следам прочитал: белка пробилась сквозь снег в мох, достала там с осени спрятанные два ореха, тут же их съела — я скорлупки нашёл. Потом отбежала десяток метров, опять нырнула, опять оставила на снегу скорлупу и через несколько метров сделала третью полазку. Что за чудо? Нельзя же подумать, чтобы она чужа за-пах ореха через толстый слой снега и льда. Значит, помнила с осени о своих орехах и точное расстояние между ними. Но самое удивительное — она не могла отмеривать, как мы, сантиметры, а прямо на глаз с точностью определяла, ныряла и доставала. Ну как было не позавидовать беличьей памяти и смекалке!

ЛИСИЧКИН ХЛЕБ

Однажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял с плеч тяжёлую сумку и стал своё добро выкладывать на стол.

— Это что за птица? — спросила Зиночка.

— Терентий, — ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живёт в лесу, как бормочет весной, как берёзовые почки клюёт, ягодки осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей, что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть. Ещё я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и чёрных. Ещё у меня была в кармане кровавая ягодка костяника, и голубая черника, и красная брусника. Ещё я принес с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

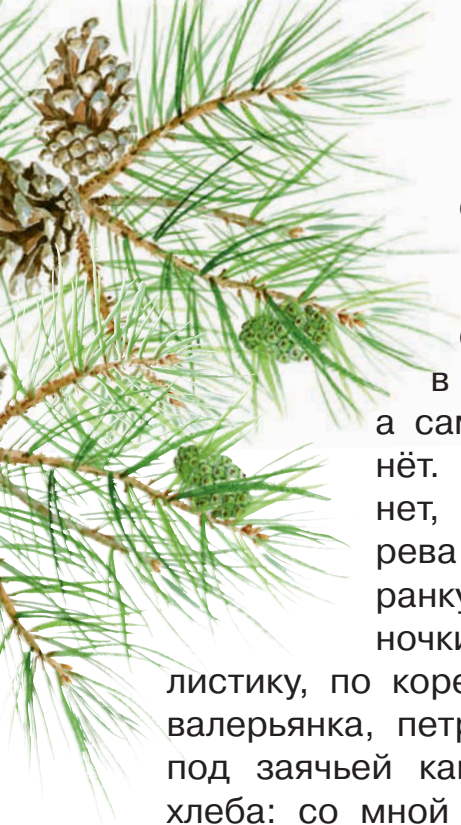

Тетерев

Рябчик

— Кто же их там лечит? — спросила Зиночка.

— Сами лечатся, — ответил я. — Придёт, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнёт топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит, отдохнёт. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдёт. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затянет. Тоже нарочно для Зиночки принёс я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слёзки, валерьянка, петров крест, заячья капуста. И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок чёрного хлеба: со мной это постоянно бывает, что, когда не возьму хлеба в лес — голодно, а возьму — забуду съесть и назад принесу. А Зиночка, когда увидела у меня под заячьей капустой чёрный хлеб, так и обомлела:

Заячья
капуста

— Откуда же это в лесу взялся хлеб?
— Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста!

— Заячья...

— А хлеб — лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть:

— Хороший лисичкин хлеб!

Кукушкины
слёзки

И съела весь мой чёрный хлеб дочиста. Так и пошло у нас: Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берёт, а как я из леса лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

— Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

БЕЛЫЙ ОЖЕРЁЛОК

Слышал я в Сибири, около озера Байкал, от одного гражданина про медведя и, признаюсь, не поверил. Но он меня уверял, что об этом случае в старое время даже в сибирском журнале было напечатано под заглавием: «Человек с медведем против волков».

Жил на берегу Байкала один сторож, рыбу ловил, белок стрелял. И вот раз будто бы видит в окошко этот сторож — бежит прямо к избе большой медведь, а за ним гонится стая волков. Вот-вот бы и конец медведю. Он, мишка этот, не будь плох, в сени, дверь за ним сама закрылась, а он ещё на неё ла-

пу и сам привалился. Старик, поняв это дело, снял винтовку со стены и говорит:

— Миша, Миша, поддержи!

Волки лезут на дверь, а старик выцеливает волка в окно и повторяет:

— Миша, Миша, поддержи!

Так убил одного волка, и другого, и третьего, всё время приговаривая:

— Миша, Миша, поддержи!

После третьего стая разбежалась, а медведь остался в избе зимовать под охраной старика. Весной же, когда медведи выходят из своих берлог, старик будто бы надел на этого медведя белый ожерёлок и всем охотникам наказал, чтобы медведя этого — с белым ожерёлком — никто не стрелял: этот медведь — его друг.

МЕДВЕДИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ: БЕЛЫЙ, БУРЫЙ,
ЧЁРНЫЙ, ОЧКОВЫЙ, МЕДВЕДЬ-ТУБАЧ.

БЕЛЫЙ
МЕДВЕДЬ

А С БЕЛЫМ ОЖЕРЁЛКОМ,
ТО ЕСТЬ С ВОРОТНИКОМ —
ТИМАЛАЙСКИЙ МЕДВЕДЬ.

ТИМАЛАЙСКИЙ
МЕДВЕДЬ

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ

ВЕРХОПЛАВКА

На воде дрожит золотая сеть солнечных зайчиков. Тёмно-синие стрекозы в тростниках и ёлочках хвоща. И у каждой стрекозы есть своя хвощёвая ёлочка или тростинка: слетит и на неё непременно возвращается.

Очумелые вороны вывели птенцов и теперь сидят, отдыхают. Листик, самый маленький, на паутинке спустился к реке и вот крутится, вот-то крутится. Так я еду тихо вниз по реке на своей лодочке, а лодочка у меня чуть потяжеле этого листика, сложена из пятидесяти двух палочек и обтянута парусиной. Весло к ней одно — длинная палка, и на концах по лопаточке. Каждую лопаточку окунаешь попеременно с той и другой стороны. Такая лёгкая лодочка, что не нужно никакого усилия: тронул воду лопаточкой, и лодка плывёт, и до того неслышно плывёт, что рыбки ничуть не боятся. Чего, чего только не увидишь, когда тихо едешь на такой лодочке по реке!

Вот грач, перелетая над рекой, капнул в воду, и эта известково-белая капля, тукнув по воде, сразу же привлекла внимание мелких рыбок-верхоплавков. В один миг вокруг грачиной капли собрался из верхоплавков настоящий базар. Заметив это сборище, крупный хищник — рыба-шелеспёр — подплыл и хватить своим хвостом по воде с такою силой, что оглушённые верхоплавки перевернулись вверх животами. Они бы через минуту ожили, но шелеспёр не дурак какой-нибудь, он знает, что не так-то часто случается, что грач капнет и столько дурочек соберётся вокруг одной капли: хватить одну, хватить другую, — много поел, а какие успели убраться, впредь будут жить, как учёные, и если сверху им капнет что-нибудь хорошее, будут глядеть в оба, не пришло бы им снизу чего-нибудь скверного.

Грач

Ёж

Раз шёл я по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и затукал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы

вдали шёл автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога — он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

— А, ты так со мной! — сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей.

Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ежа в свою шляпу и понёс домой. Мышей у меня было много. Я слышал — ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей. Так положил я этот колючий комок посреди пола и сел писать, а сам уголком глаза всё смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал идти, сюда, выбрал себе наконец место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёл лампу, и — здравствуйте! — ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал на лампу, что это луна вошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам. И так он пустился бегать по комнате, представляя, что это лесная полянка.

Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна и облако, а ноги мои были как стволы деревьев и, наверное, очень нравились ёжику: он так и шнырял между ними, понюхивая и почёсывая иголками задники у моих сапог. Прочитав газету, я уронил её на пол, перешёл в кровать и уснул. Сплю я всегда очень чутко. Слышу — какой-то шелест у меня в комнате. Чиркнул спичкой, зажёл свечу и только заметил, как ёж мелькнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посередине комнаты. Так я и оставил гореть свечу и сам не сплю, раздумывая: «Зачем это ёжику газета понадобилась?»

Скоро мой жилец выбежал из-под кровати — и прямо к газете; завертелся возле неё, шумел, шумел, наконец, ухитрился: надел себе как-то на колючки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол. Тут я и понял его: газета ему была как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда. И, оказалось, правда: в скором времени ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо. Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу-луну. Я подпустил облака и спрашиваю:

— Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

— Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит. Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой и то налью воды в тарелку, то опять волюю в ведро, и так шумлю, будто это ручеек поплёскивает.

— Ну иди, иди. — говорю. — Видишь, я для тебя и луну устроил, и облака пустил, и вот тебе вода...

Смотрю: будто двинулся вперёд. А я тоже немного подвинул к нему своё озеро. Он двинется, и я двину, да так и сошлись.

— Пей, — говорю окончательно.

Он и залакал. А я так легонько по колючкам ручкой провёл, будто погладил, и всё приговариваю:

— Хороший ты малый, хороший!

Напился ёж, я говорю: — Давай спать.

Лёг и задул свечу. Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа. Зажигаю свечу, и что же вы думаете? Ёжик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко. Прибежал в гнездо, сложил его там и за другим бежит в угол, а в углу стоял мешок с яблоками и завалился. Вот ёж подбежал, свернулся около яблок, дёрнулся и опять бежит, на колючках другое яблоко тащит в гнездо. Так вот и устроился у меня жить ёжик. А сейчас я,

как чай пить, непременно его к себе на стол и то молока ему налью в блюдечко — выпьет, то булочки дам — съест.

майских жуков

яблоки

ЕЖИ — ЗВЕРИ ВСЕЯДНЫЕ.
В ПРИРОДЕ ОНИ ЕДЯТ:

грибы

гусениц,

мышей

улиток

ягоды

лягушек

ужей

ЗОЛОТОЙ ЛУГ

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идём куда-нибудь на свой промысел — он впереди, я в пяту. «Серёжа!» — позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Луг — золотой».

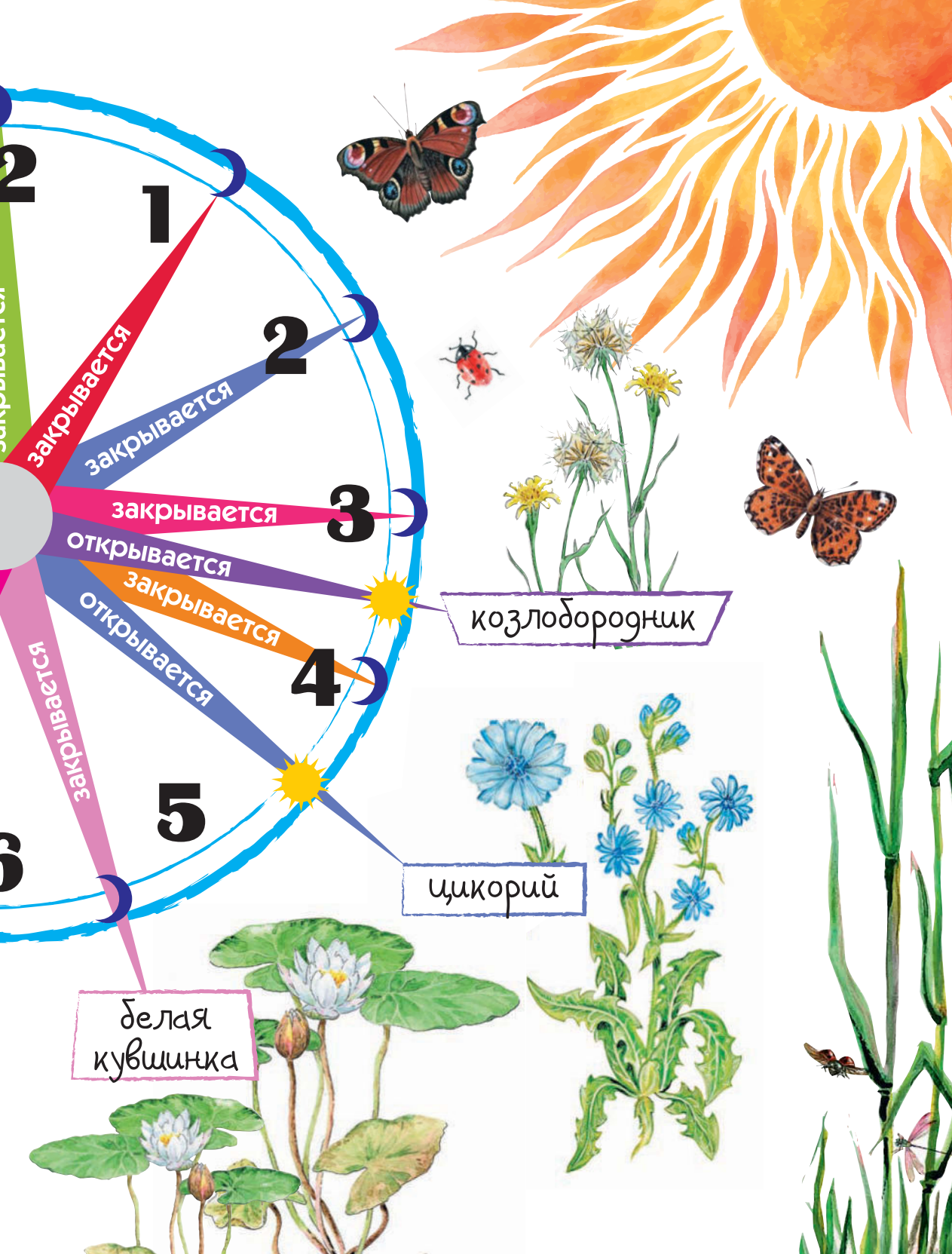
Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зелёный. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошел, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как всё равно если бы у вас пальцы со стороны ладони были жёлтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы жёлтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становился опять золотым. С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

РАЗНЫЕ ЦВЕТЫ
ОТКРЫВАЮТСЯ
И ЗАКРЫВАЮТСЯ
В РАЗНОЕ ВРЕМЯ:

закрывается

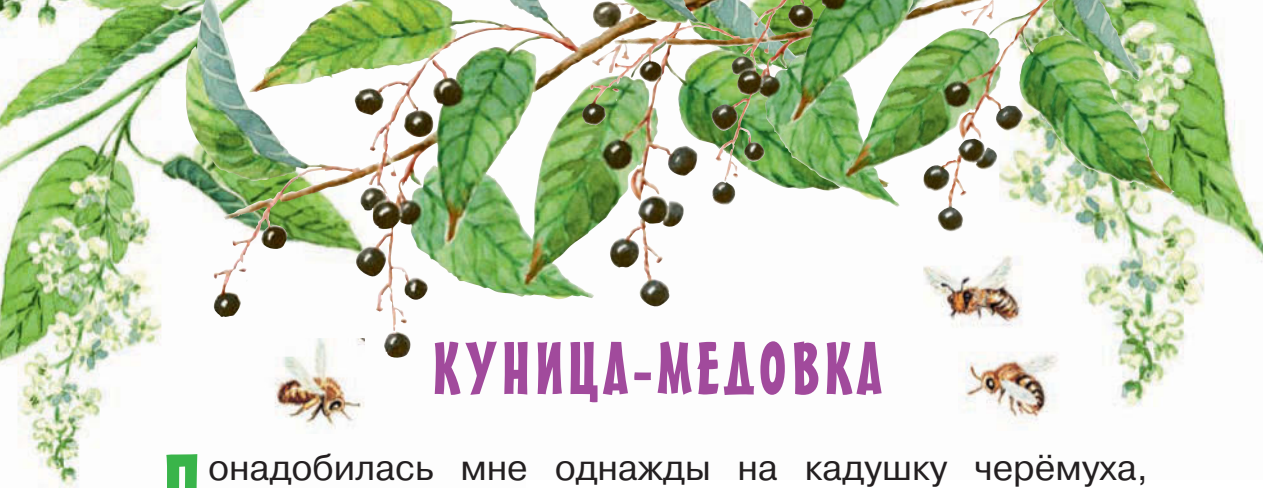
закрывается

белая
кувшинка

козлородник

цикорий

КУНИЦА-МЕДОВКА

Понадобилась мне однажды на кадушку черёмуха, пошёл я в лес. В тридцать первом квартале нашёл я черёмуху, и с ней рядом стояла ёлка с подлупью. Вокруг этой ёлки были птичьи косточки, перья, беличий мех, шёрстка. Тогда я глянул наверх и увидел бурак и на бураке сидит куница с птичкой в зубах. В летнее время мех дешёвый, она мне не надобна. Я ей говорю:

— Ну, барыня, стало быть, ты тут живёшь с семейством.

От моих слов куница мызгнула на другое дерево и сгнула. Я же полез наверх, поглядел на гнездо и прочитал всю подлость кунью.

Бурак был поставлен для диких пчёл и забыт. Прилетел рой, устроился, натаскал мёду и зимою уснул. Пришла куница, прогрызла внизу дырку, мороз пожал пчёл кверху, а снизу мёд стала подъедать куница. Когда мороз добрался до пчёл и заморозил их, куница доела мёд и улей бросила. Летом яви-

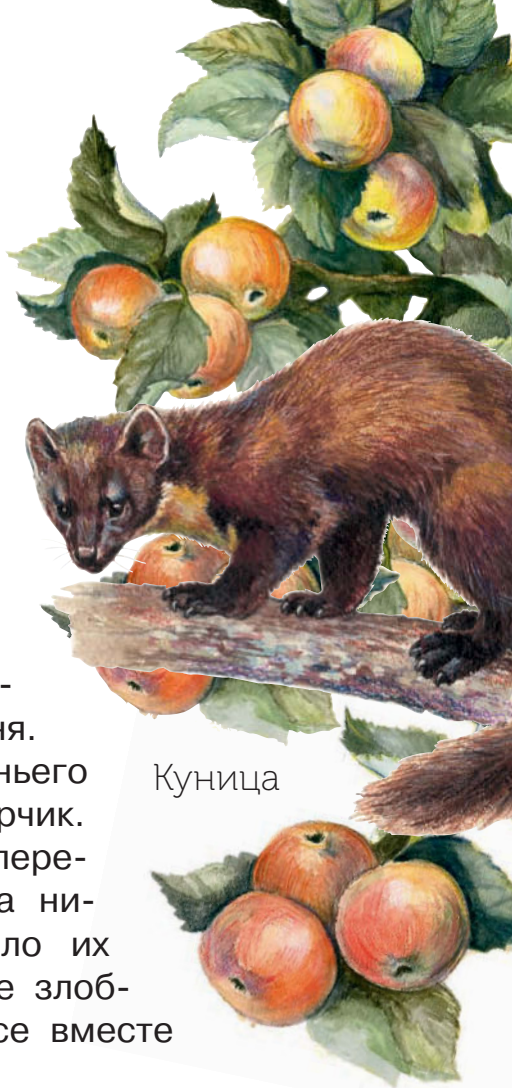
лась белка, облюбовала улей на гнездо. Осенью мох натаскала, всё вычистила и устроилась жить. Тут опять куница пришла, съела белку и стала жить в её тёплом гнезде барыней и завела семейство. А после пчёл, белки, куницы я пришёл.

В гнезде оказались четыре молодых. Поклад я молодёжь в фартук, принёс домой, посадил в погреб. Дня через два поднялся из погреба тяжёлый дух от куниц, и женщины — все на меня. Стало невыносимо в избе от куньего духа. А в саду у меня был амбарчик. Я заделал в нём все дырки и перенёс туда куниц. Всё лето хожу за ними, стреляю птичек, и они весело их едят. У молодых куниц характер не злобный, из-за еды дерутся, а спят все вместе клубком.

Раз ночью разломали недруги мой амбарчик, я ничего не слышал. Утром приходит мой сосед.

— Иди, Михалыч, скорей, твои куницы на яблоне.

Выбежал я, а куницы с яблони на поленницу, с поленницы под застрех, через двор и в лес. Так все и пропали. Пришла зима, навалило снега, оказались следы — тут же в лесу рядом с деревней и жили. Трёх я вскоре убил и продал, а четвертую, верно, воры украли, когда ломали сарай.

Куница

ЛОСИ

Как-то вечером к нашему костру пришёл дед из ближайшей деревни и стал нам рассказывать о лосях разные охотничьи истории.

— Да какие они, лоси-то? — спросил кто-то из нас.

— Хорошенькие, — ответил дед.

— Ну, какие же они хорошенькие! — сказал я. — Огромные, а ножки тонкие, голова носатая, рога — как лопаты. Скорее — безобразные.

— Очень хорошенькие, — настаивает дед. — Раз было, по убылой воде, вижу, лосиха плывёт с двумя лосятами. А я за кустом. Хотел было бить в неё из ружья, да подумал: деться ей некуда, пусть выходит на берег. Ну вот, она плывёт, а дети за ней не поспевают, а возле берега мелко: она идёт по грязи, а они тонут, отстали. Мне стало забавно. Возьму-ка,

думаю, покажусь ей: что, убежит она или не кинет детей?

— Да ведь ты же убить её хотел?

— Вот вспомнил! — удивился дед. — Я в то время забыл, всё забыл, только одно помню: убежит она от детей или то же и у них, как у нас. Ну, как вы думаете?

— Думаю, — сказал я, вспоминая разные случаи, — она отбежит к лесу и оттуда, из-за деревьев или с холма, будет наблюдать или дожидаться.

— Нет, — перебил меня дед. — Оказалось, у них, как и у нас. Мать так яро на меня поглядела, а я на неё острой махнул. Думал — убежит, а лосёнок я себе захвачу. А ей хоть бы что — и прямо на меня идёт и яро глядит. Лосята ещё вытаскивают ножонки из грязи. И что же вы подумаете? Что они делать стали, когда вышли на берег?

— Мать сосать?

— Нет, как вышли на берег — прямо играть. Шагов я на пять подъехал к ним на ботничке, и гляжу, и гляжу — чисто дети. Один был особенно хорош. Долго играли, а когда наигрались, то к матке, и она их повела, и пошли они покойно, пошли и пошли...

— И ты их не тронул?

— Так вот и забыл, как всё равно мне руки связали. А в руке острога. Стоило бы только двинуть рукой...

— Студень-то какой! — сказал я.

Дед с уважением поглядел на меня и ответил:

— Студень из лосёнков правда хорош. Только уж такие они хорошенькие... Забыл и про студень!

ЛЯГУШОНОК

В полднях от горячих лучей солнца стал плавиться снег. Пройдёт два дня, много три, и весна загудит. В полднях солнце так распаривает, что весь снег вокруг нашего домика на колёсах покрывается какой-то чёрной пылью. Мы думали, где-то угли жгут. Приблизил я ладонь к этому грязному снегу, и вдруг — вот те угли! — на сером снегу стало белое пятно: это мельчайшие жучки-прыгунки разлетелись в разные стороны.

В полдневных лучах на какой-нибудь час или два оживают на снегу разные жучки, паучки, блошки, даже комарики перелетают. Случилось, талая вода проникла в глубь снега и разбудила спящего на земле под снежным одеялом маленького розового лягушонка. Он выполз из-под снега наверх, решил по глупости, что началась настоящая весна, и отправился путешествовать. Известно, куда путешествуют лягушки: к ручейку, к болотцу. Случилось, в эту ночь как раз хорошо припорошило, и след путешественника легко можно было разобрать. След вначале был прямой, лапка за лапкой, к ближайше-

му болотцу. Вдруг почему-то след сбивается, дальше больше и больше. Потом лягушонок мечется туда и сюда, вперёд и назад, след становится похожим на запутанный клубок ниток. Что случилось, почему лягушонок вдруг бросил свой прямой путь к болоту и пытался вернуться назад?

Чтобы разгадать, распутать этот клубок, мы идём дальше и вот видим — сам лягушонок, маленький, розовый, лежит, растопыбив безжизненные лапки. Теперь всё понятно. Ночью мороз взялся за вожжи и так стал подхлестывать, что лягушонок остановился, сунулся туда, сюда и круто повернул к тёплой дырочке, из которой почуял весну. В этот день мороз ещё крепче натянул свои вожжи, но ведь в нас самих было тепло, и мы стали помогать весне.

Мы долго грели лягушонка своим горячим дыханием — он все не оживал. Но мы догадались: налили тёплой воды в кастрюльку и опустили туда розовое тельце с растопыренными лапками. Крепче, крепче натягивай, мороз, свои вожжи — с нашей весной ты теперь больше не справишься. Не больше часа прошло, как наш лягушонок снова почуял своим тельцем весну и шевельнул лапками. Вскоре и весь он ожил. Когда грянул гром и всюду зашевелились лягушки, мы выпустили нашего путешественника в то самое болотце, куда он хотел попасть раньше времени, и сказали ему в напутствие:

— Живи, лягушонок, только, не зная броду, не суйся в воду.

ЛЯТУШКИ ЗИМОЙ ВПАДАЮТ В АНАБИОЗ —
ВРОДЕ ЗИМНЕЙ СПЯЧКИ.

А ПРОСЫПАЮТСЯ ВЕСНОЙ,
КАК ДЕЛАЕТ:

ЁЖ

ПРЫТКАЯ
ЯЩЕРИЦА

МЕДВЕДЬ

БАРСУК

ЛЕТУЧАЯ
МЫШЬ

СУСЛИК

СОНЯ-ПОЛЧОК

БУРУНДУК

СУРОК

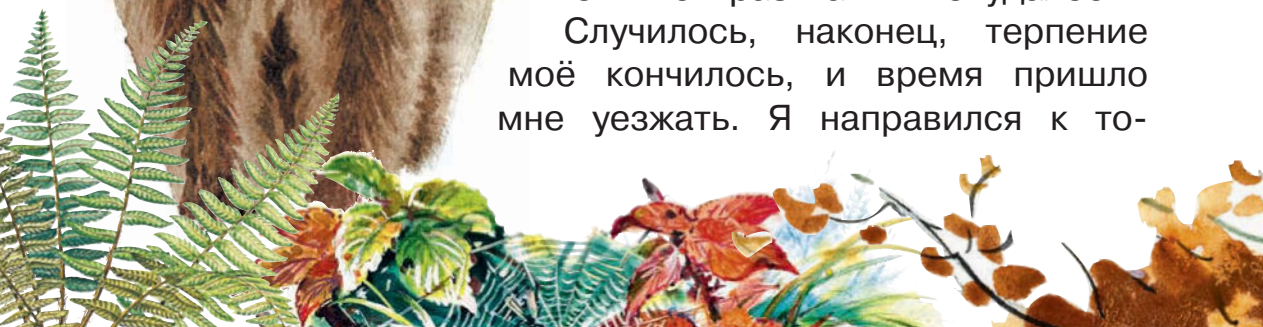

МЕДВЕДЬ

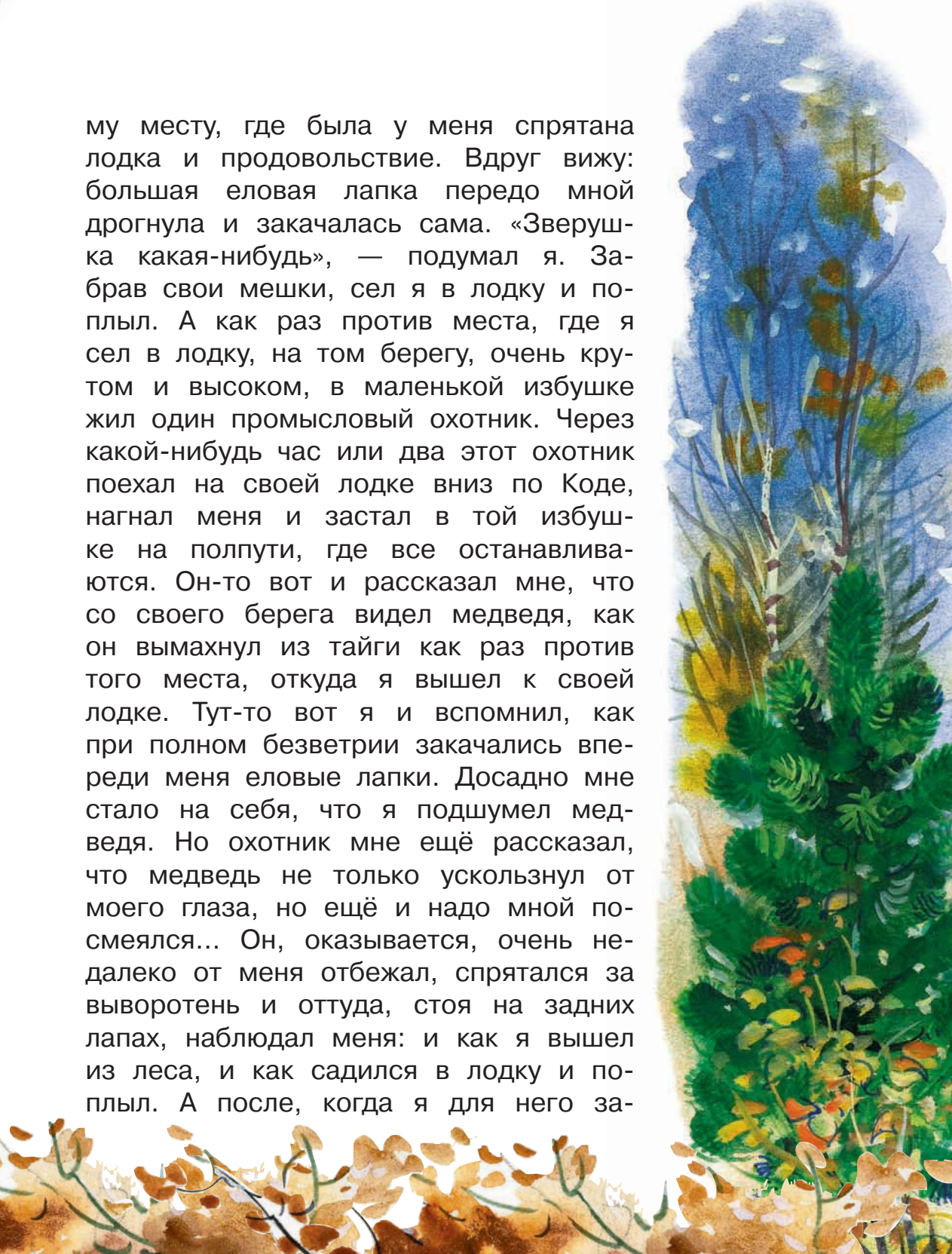
Многие думают, будто пойти только в лес, где много медведей, и так они вот и набросятся, и съедят тебя, и останутся от козлика ножки да рожки. Такая это неправда! Медведи, как и всякий зверь, ходят по лесу с великой осторожностью а, зачувяв человека, так удирают от него, что не только всего зверя, а не увидишь даже и мелькнувшего хвостика. Однажды на севере мне указали место, где много медведей. Это место было в верховьях реки Коды, впадающей в Пинегу.

Убивать медведя мне вовсе не хотелось, и охотиться за ним было не время: охотятся зимой, я же пришёл на Коду ранней весной, когда медведи уже вышли из берлог. Мне очень хотелось застать медведя за едой, где-нибудь на полянке, или на рыбной ловле на берегу реки, или на отдыхе. Имея на всякий случай оружие, я старался ходить по лесу так же осторожно, как звери, затаивался возле тёплых следов; не раз мне казалось, будто мне даже и пахло медведем... Но самого медведя, сколько я ни ходил, встретить мне и тот раз так и не удалось.

Случилось, наконец, терпение моё кончилось, и время пришло мне уезжать. Я направился к то-

му месту, где была у меня спрятана лодка и продовольствие. Вдруг вижу: большая еловая лапка передо мной дрогнула и закачалась сама. «Зверушка какая-нибудь», — подумал я. Забрав свои мешки, сел я в лодку и поплыл. А как раз против места, где я сел в лодку, на том берегу, очень крутом и высоком, в маленькой избушке жил один промысловый охотник. Через какой-нибудь час или два этот охотник поехал на своей лодке вниз по Коде, нагнал меня и застал в той избушке на полпути, где все останавливаются. Он-то вот и рассказал мне, что со своего берега видел медведя, как он вымахнул из тайги как раз против того места, откуда я вышел к своей лодке. Тут-то вот я и вспомнил, как при полном безветрии закачались впереди меня еловые лапки. Досадно мне стало на себя, что я подшумел медведя. Но охотник мне ещё рассказал, что медведь не только ускользнул от моего глаза, но ещё и надо мной посмеялся... Он, оказывается, очень недалеко от меня отбежал, спрятался за выворотень и оттуда, стоя на задних лапах, наблюдал меня: и как я вышел из леса, и как садился в лодку и поплыл. А после, когда я для него за-

крылся, влез на дерево и долго следил за мной, как я спускаюсь по Коде.

— Так долго, — сказал охотник, — что мне надоело смотреть и я ушёл чай пить в избушку.

Досадно мне было, что медведь надо мной посмеялся. Но ещё досадней бывает, когда болтуны разные пугают детей лесными зверями и так представляют их, что покажись будто бы только в лес без оружия — и они оставят от тебя только рожки да ножи.

МУРАВЬИ

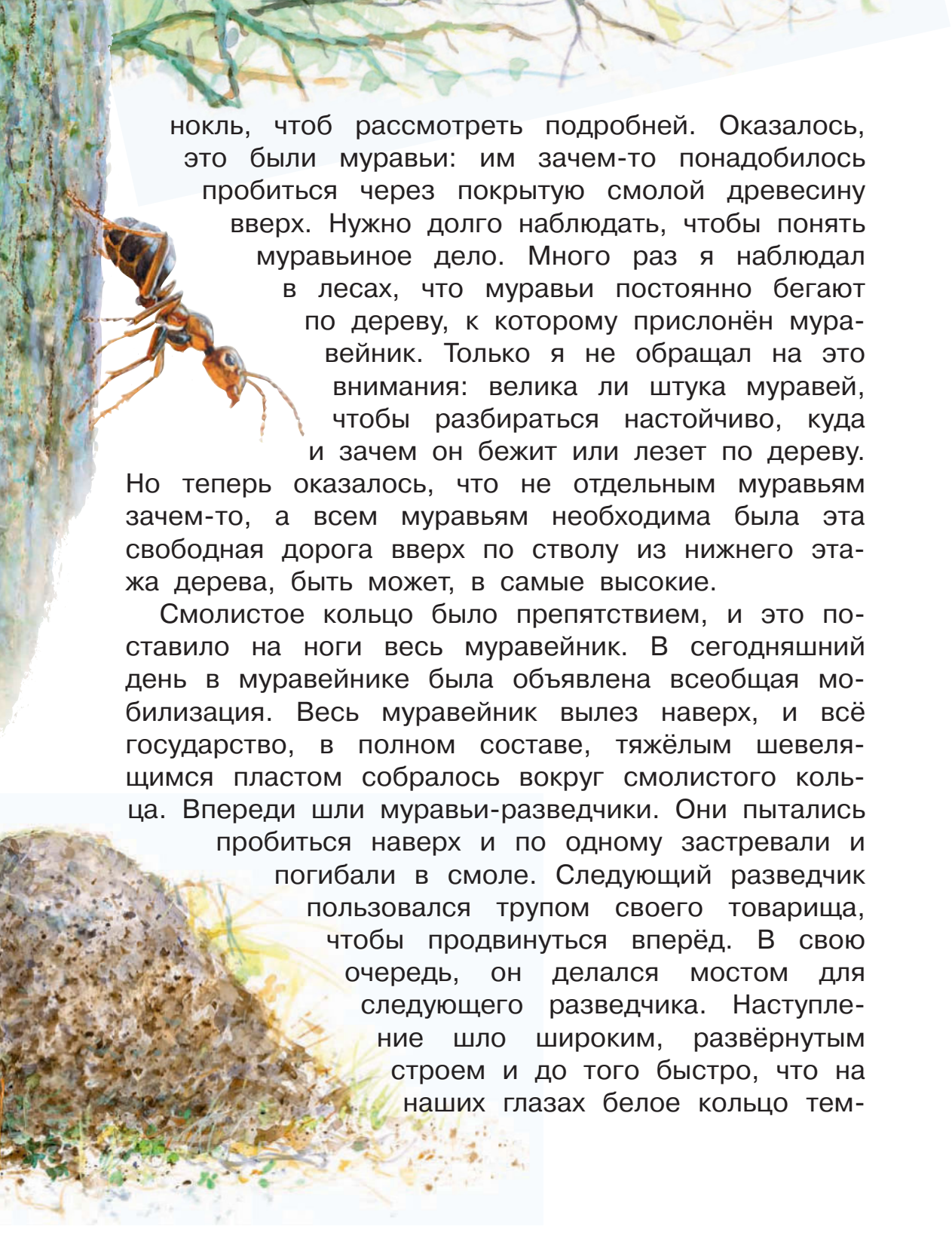
Я устал на охоте за лисицами, и мне захотелось где-нибудь отдохнуть. Но лес был завален глубоким снегом, и сесть было некуда. Случайно взгляд мой упал на дерево, вокруг которого расположился гигантский, засыпанный снегом муравейник. Я взбираюсь наверх, сбрасываю снег, разгребаю сверху этот удивительный муравьиный сбор из хвоинок, сучков, лесных соринки и сажусь в теплую сухую ямку над муравейником. Муравьи, конечно, об этом ничего не знают: они спят глубоко внизу. Так не один раз мне приходится делать, и всегда при этом пожалеешь муравьёв, что приготовил им лишнюю работу, но тут же и успокоишь себя мыслью: а что им стоит собрать, если их миллионы! Да и я сам заслужил тоже, чтобы муравьи на меня поработали.

Несколько повыше муравейника, где в этот раз я отдыхал, кто-то содрал с дерева кору, и белая древесина, довольно широкое кольцо, была покрыта густым слоем смолы. Колечко прекращало движение соков, и дерево неминуемо должно было погибнуть. Бывает, такие кольца на деревьях делает дятел, но он не может сделать так чисто. «Скорее всего, — подумал я, — кому-нибудь нужна была кора, чтобы сделать коробочку для сбора лесных ягод». Отдохнув хорошо на муравейнике, я ушел и вернулся случайно к нему, когда стало совсем тепло и муравьи проснулись и поднялись наверх.

Я увидел на светлом пораненном смолистом кольце дерева какое-то тёмное пятно и вынул би-

An illustration of a wasp with a black and yellow body, orange legs, and long antennae, climbing a rough, textured tree trunk. The background shows some green leaves and branches. The text is overlaid on the right side of the image.

нокль, чтоб рассмотреть подробней. Оказалось, это были муравьи: им зачем-то понадобилось пробиться через покрытую смолой древесину вверх. Нужно долго наблюдать, чтобы понять муравьиное дело. Много раз я наблюдал в лесах, что муравьи постоянно бегают по дереву, к которому прислонён муравейник. Только я не обращал на это внимания: велика ли штука муравей, чтобы разбираться настойчиво, куда и зачем он бежит или лезет по дереву.

Но теперь оказалось, что не отдельным муравьям зачем-то, а всем муравьям необходима была эта свободная дорога вверх по стволу из нижнего этажа дерева, быть может, в самые высокие.

Смолистое кольцо было препятствием, и это поставило на ноги весь муравейник. В сегодняшний день в муравейнике была объявлена всеобщая мобилизация. Весь муравейник вылез наверх, и всё государство, в полном составе, тяжёлым шевелящимся пластом собралось вокруг смолистого кольца. Впереди шли муравьи-разведчики. Они пытались пробиться наверх и по одному застревали и погибали в смоле. Следующий разведчик пользовался трупом своего товарища, чтобы продвинуться вперёд. В свою очередь, он делался мостом для следующего разведчика. Наступление шло широким, развёрнутым строем и до того быстро, что на наших глазах белое кольцо тем-

нело и покрывалось чёрным: это передние муравьи самоотверженно бросались в смолу и своими телами устилали путь для других. Так в какие-нибудь полчаса муравьи зачернили смолистое кольцо и по этому бетону побежали свободно вверх по своим делам. Одна полоса муравьев бежала вверх, другая вниз, туда и сюда. И закипела работа по этому живому мосту, как по коре.

ГОЛУБЫЕ ПЕСЦЫ

В Японском море есть маленький остров Фуругельм. Наши звероводы привезли с Севера голубых песцов, пустили на остров, и дорогие звери прижились.

Я с интересом наблюдал здесь жизнь этих очень семейственных, но чрезвычайно плутоватых зверей, близких родственников нашей хитрой лисицы. Совсем недалеко от рыбацкого лагеря, почти возле самых палаток, устроилась необыкновенно продуманная и сильная семья песцов. Тут когда-то стояла фанза, корейская изба, теперь от неё остался лишь кан, или пол, заросший бурьяном в рост человека. У корейцев пол отапливается, устраивается с дымоходами, как печь. И вот под этим каном и устроилась жить пара песцов — Ванька и Машка.

Песец летом

Белоголовый
орёл

Между прочим, возле кана над бурьяном возвышалась горка старого мусора и служила песцам верандой или наблюдательным пунктом. Однажды белоголовый орёл осмелился спуститься к рыбакам и выхватить с их промысла сардинку. Орёл поднял рыбку на скалу. А песцы во главе с Ванькой и Машкой следили за действиями белоголового. Вот только-только принялся белоголовый клевать свою добычу, откуда ни возьмись белохвостый орёл и бросился на белоголового, чтоб отнять у него сардинку.

В это время песцы всмотрелись своими жёлтыми глазами и смекнули: Ванька остался с детьми, а Машка в короткое время с камушка на камушек добралась до вершины скалы, схватила сардинку и была такова. Дома, на своей веранде, отдав добычу детям, песцы как ни в чём не бывало продолжали с интересом следить за борьбой орлов, теперь уже совсем и забывших о рыбке.

Песец зимой

БАРС

В нашем питомнике пятнистых оленей на Дальнем Востоке одно время поселился барс и начал их резать. Китаец Лувен сказал:

— Олень-цветок и барс — это нельзя вместе!

И мы начали ежедневно искать встречи с барсом, чтобы застрелить его.

Однажды наверху Туманной горы барс скрылся от меня под камнем. Я сделал далекий обход по хребту, узнал замеченный камень, очень осторожно подкрался, но страшного барса под этим камнем уже не было.

Я обошёл ещё всё это место кругом и сел отдохнуть. На досуге стал я разглядывать одну запылённую плиту горного сланца и ясно увидел на пыли отпечаток мягкой лапы красивого зверя. Тигры и барсы ходят часто по хребтам и высматривают оттуда свою добычу. И в этом следу не было ничего особенного. Посмотрел я на след и пошёл дальше. Через некоторое время, поискав ещё барса, я случайно пришёл на то же самое место, опять сел возле той же самой плиты и опять стал разглядывать след. И вдруг я заметил рядом с отпечатком барсовой лапы другой, ещё более отчётливый. Мало того, на этом следу, приглядываясь про-

тив солнца, я увидел — торчали две иголки, и я узнал в них шерстки от барсовой лапы. Солнце за время моего обхода, конечно, стало немного под другим углом посылать свои лучи на плиту, и я мог тогда, в первый раз, легко пропустить второй след барса, но шерстинок я не мог пропустить. Значит, шерсть явилась во время моего второго обхода. Это было согласно с тем, что приходилось слышать о повадках тигра и барса, это их постоянный приём — заходить в спину преследующего их человека. Теперь нечего было терять время.

Быстро я спустился к Лувену, рассказал ему всё, и мы с ним вместе пришли на хребет, где барс крался за мной. Там обошли мы с ним вместе, разглядывая каждый камень, ещё раз дважды мной пройденный круг. Против плиты, чтобы скрыть свой след, при помощи длинной палки я прыгнул вниз, ещё раз прыгнул, до первого кустика, и там притаился и утвердил хорошо на камнях дуло своей винтовки и локти. Лувен продолжал свой путь по тому же самому кругу.

Не много пришлось мне ждать. На голубом фоне неба я увидел чёрный облик ползущего зверя. Громадная кошка ползла за Лувеном, не подозревая, что я на неё смотрю через прорезь винтовки. Лувен, конечно, если бы даже и глядел назад, ничего бы не мог заметить. Когда барс подполз к плите, встал на неё, приподнялся, чтобы поверх большого камня посмотреть на Лувена, я приготовился. Казалось, барс, увидев одного человека вместо двух, растерялся, как бы спрашивая окрестности: «Где же

другой?» И когда, всё кругом расспросив, он подозрительно посмотрел на мой куст, я нажал спуск.

Какой прекрасный ковёр мы добыли! Зверь этот ведь у нас на Дальнем Востоке совсем неверно называется почему-то барсом и даже мало похож на кавказского барса: этот зверь есть леопард, ближайший родственник тигра, и шкура его необыкновенно красива.

— Хорошо, хорошо! — радостно говорил Лувен, оглаживая роскошный ковер. — Олень-цветок и барс — это вместе нельзя жить.

Леопард,
или барс

ГЕПАРД

РОДСТВЕННИКИ **БАРСА** —
СЕМЕЙСТВО КОШАЧЬИ.

КОТ АМУРСКИЙ

РЫСЬ
ОБЫКНОВЕННАЯ

ЛЕВ

ИРБИС, ИЛИ
СНЕЖНЫЙ БАРС

МАНУЛ

ТИГР

НОЧЁВКИ ЗАЙЦА

Утром со мной шла Зиночка по заячьему следу. Вчера моя собака пригнала этого зайца сюда прямо к нашей стоянке из далёкого леса. Вернулся ли заяц в лес, или остался пожить около людей где-нибудь в овражке? Обошли мы поле и нашли обратный след. Он был свеженький.

— По этому следу он возвратился к себе в свой старый лес, — сказал я.

— Где же он ночевал, заяц? — спросила Зиночка.

На мгновенье вопрос её сбил меня с толку, но я опомнился и ответил:

— Это мы ночуем, а зайцы ночью живут; он ночью прошёл здесь и дnevать ушёл в лес; там теперь лежит, отдыхает. Это мы ночуем, а зайцы днюют, и им днём куда страшнее, чем ночью. Днём их всякий сильный зверь может обидеть.

ОХОТА ЗА БАБОЧКОЙ

Жулька, моя молодая мраморно-голубая охотничья собака, носится как угорелая за птичками, за бабочками, даже за крупными мухами до тех пор, пока горячее дыхание не выбросит из её пасти язык. Но и это не останавливает её. Вот нынче была у всех на виду такая история.

Жёлтая бабочка-капустница привлекла внимание. Жизель бросилась за ней, подпрыгнула и промахнулась. Бабочка замотыляла дальше. Жулька за ней — хап! Бабочке хоть бы что: летит, мотыляет, как будто смеется. Хап! — мимо. Хап, хап! — мимо и мимо. Хап, хап, хап — и бабочки в воздухе нет. Где наша бабочка? Среди детей началось волнение. «Ах, ах!» — только и слышалось. Бабочки нет в воздухе, капустница исчезла. Сама Жизель стоит неподвижная, как восковая, поворачивая удивленно голову то вверх, то вниз, то вбок. — Где наша бабочка?

В это время горячие пары стали нажимать внутри Жулькиной пасти, — у собак ведь нет потовых желёз. Пасть открылась, язык вывалился, пар вырвался, и вместе с паром вылетела бабочка и, как будто совсем с ней ничего не было, — замотыляла

себе по-над лугом. До того измаялась с этой бабочкой Жулька, до того, наверно, ей трудно было сдерживать дыхание с бабочкой во рту, что теперь, увидев бабочку, вдруг сдалась. Вывалив язык, длинный, розовый, она стояла и глядела на летящую бабочку глазами, ставшими сразу и маленькими и глупыми. Дети приставали к нам с вопросом:

— Ну, почему же это нет у собаки потовых желёз?

Мы не знали, что им сказать. Школьник Вася Весёлкин им ответил:

— Если бы у собак были железы и не надо было бы им хахать, так они бы давно уже всех бабочек переловили и скушали.

БОЯРЫШНИЦА

ЛИМОННИЦА

ПАВЛИНИЙ ГЛАЗ

А КАКИХ БАБОЧЕК
ТЫ ЗНАЕШЬ?

ГОЛУБЯНКА

КРАТИВНИЦА

МАХАОН

ПТИЧИЙ СОН

Замерли от холода все пауки. Сети их сбило ветром и дождями. Но самые лучшие сети, на которые пауки не пожалели лучшего своего материала, остались невредимы в дни осеннего ненастья и продолжали ловить всё, что только способно было двигаться в воздухе. Летали теперь только листья, и так попался в паутину очень нарядный, багровый, с каплями росы осиноый лист.

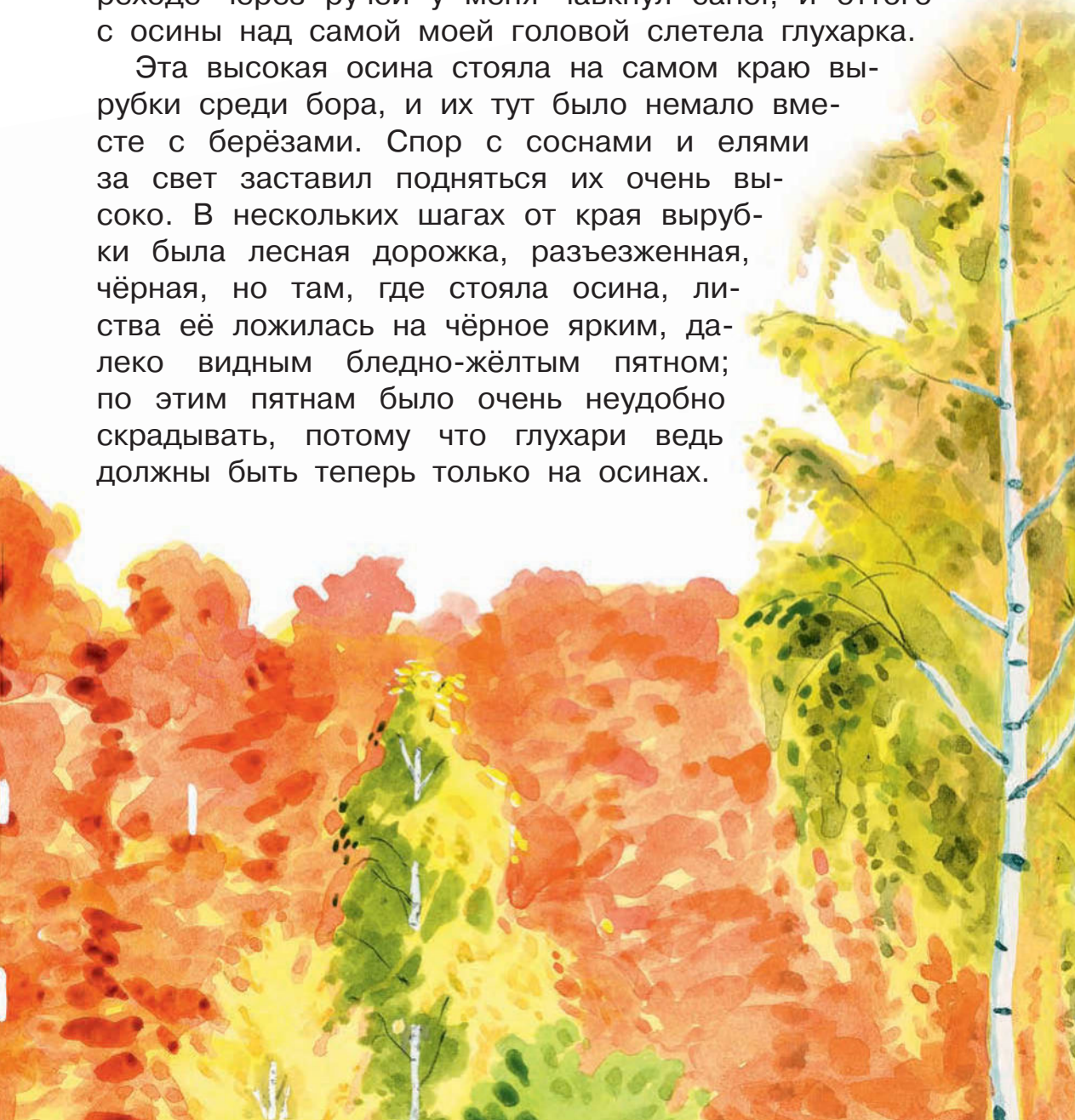
Ветер качал его в невидимом гамаке. На мгновение выглянуло солнце, сверкнули алмазами капли росы на листе. Это мне бросилось в глаза и напомнило, что в эту осень мне, старому охотнику, непременно нужно познакомиться с жизнью глухарей в то время, как их самым большим лакомством становится осиноый лист и, как не раз приходилось слышать и читать, будто

бы приблизительно за час до заката они прилетают на осины, клюют дотемна, засыпают на дереве и утром тоже немного клюют. Я нашёл их неожиданно возле маленькой вырубki в большом лесу. При переходе через ручей у меня чавкнул сапог, и оттого с осины над самой моей головой слетела глухарка.

Эта высокая осина стояла на самом краю вырубki среди бора, и их тут было немало вместе с берёзами. Спор с соснами и елями за свет заставил подняться их очень высоко. В нескольких шагах от края вырубki была лесная дорожка, разъезженная, чёрная, но там, где стояла осина, листва её ложилась на чёрное ярким, далеко видимым бледно-жёлтым пятном; по этим пятнам было очень неудобно скрадывать, потому что глухари ведь должны быть теперь только на осинах.

Вырубка была совсем свежая, последней зимы, поленицы дров за лето потемнели и погрузились в молодую осиную поросль с обычной яркой и очень крупной листвой. На старых же осинах листья почти совсем пожелтели. Я крался очень осторожно по дорожке от осины к осине. Шёл мелкий дождь, и дул лёгкий ветер, листья осины трепетали, шелестели, капли тоже всюду тукали, и оттого невозможно было слышать звук срываемых глухарями листьев.

Вдруг на вырубке из молодого осинника поднялся глухарь и сел на крайнюю осину по ту сторону вырубки, в двухстах шагах от меня. Я долго следил за ним, как он часто щиплет листья и быстро их проглатывает. Случалось, когда ветер дунет порывом, и вдруг всё смолкнет, до меня долетал звук отрыва или разрыва листа глухарём. Я познакомился с этим звуком в лесу. Когда глухарь ощипал сук настолько, что ему нельзя было дотянуться до хороших листьев, он попробовал спрыгнуть на ветку пониже, но она была слишком тонка и согнулась, и глухарь по-

ехал ниже, крыльями удерживая себя от падения. Вскоре я услышал такой же сильный треск и шум на моей стороне, а потом ещё, и понял, что везде вокруг меня наверху в осинах, спрятанных в хвойном лесу, сидят глухари. Я понял, что днём все они гуляли по вырубке, ловили насекомых, глотали камешки, а на ночь поднялись на осины, чтобы перед сном полакомиться своим любимым листом.

Мало-помалу, как почти всегда у нас, западный ветер перед закатом стал затихать. Солнце вдруг всё, со всеми своими лучами, бросилось в лес. Я продолжил ладонями свои ушные раковины и среди лёгкого трепета осиновых листьев расслышал звук отрыва листа, более глухой и резкий, чем гулкое падение капель. Тогда я осторожно поднялся и начал скрадывать. Это было не под весеннюю песню скакать, когда глухарь ничего не слышит, поручая всего себя песне, направляемой куда-то в зенит. Особенно же трудно было перейти одну большую лужу, подостланную как будто густо осиновым листом, на самом же деле очень тинистую и топкую. Ступню нужно было выпрямлять в одну линию с ногой, как это у балерин, чтобы при выни-

Глухарь

мании грязь не чавкнула. И когда вынешь тихо ногу из грязи и капнет с неё в воду, кажется ужасно как громко. Между тем вот мышонок бежит под листвой, и она разваливается после него, как борозда, с таким шумом, что если бы мне так, глухарь давно бы улетел. Верно, звук этот ему привычный, он знает, что мышь бежит, и не обращает внимания. И если сучок треснет под ногой у лисицы, то, наверное, он будет знать наверху, что это по своим делам крадется безопасная ему лисица.

Но мало ли что не придёт в голову человеку, чего-чего ему только не вздумается, и оттого все его шумы резко врываются в общую жизнь. Однако страсть рождает неслыханное терпение, и, будь бы время, вполне бы возможным было достигнуть кошачьих движений, но срок поставлен, солнце село, ещё немного, и стрелять нельзя. У меня сомнения не оставалось нисколько в том, что мой глухарь сидит с той стороны стоящей передо мной осины. Но обойти её я бы не решился и всё равно не успел бы. Что же делать?

Было во всей жёлтой кроне осины только одно узенькое окошечко на ту сторону в светлое небо, и вот это окошечко теперь то закроется, то откроется. Я понял, — это глухарь клюет, и это его голова закрывает, видна даже бородка этой глухариной головы. Мало кто умеет, как я, стрельнуть в самое мгновение первого понимания дела. Но как раз в это мгновение произошла перегрузка на невидимый сучок под ногой, он треснул, окошко открылось. И потом ещё хуже — почуяв опасность, глухарь стал хрюкать, вроде как бы ругаться на меня. А ещё было: другой ближайший глухарь как раз в это время съехал с ветки и открылся мне совершенно. По дальности расстояния не мог я стрельнуть в него, но также не мог и сдвинуться с места: он бы непременно увидел. Я замер на одной ноге, другая, ступившая на сучок, осталась почти без опоры. А тут какие-то другие глухари прилетели ночевать и стали рассаживаться вокруг. Один из них стал цокать и ронять с высокой осины веточки, те самые, наискось срезанные, по которым мы безошибочно узнаём ночёвку глухарей. Мало-помалу мой глухарь, однако, успокоился. По всей вероятности, он сидел с вытянутой шеей и посматривал в разные стороны.

Скоро внизу у нас с мышонком, который всё ещё шелестел, стало совершенно темно. Исчез во мра-

ке видимый мне глухарь. Полагаю, что все глухари уснули, спрятав под крылья свои бородатые головы. Тогда я поднял онемелую ногу, повернулся и с блаженством прислонил усталую спину к тому самому дереву, на котором спал теперь безмятежно потревоженный мною глухарь.

Нет слов передать, каким становится бор в темноте, когда знаешь, что у тебя над головой сидят, спят громадные птицы, последние реликты эпохи крупных существ. И спят-то не совсем даже спокойно, там шевельнулся, там почесался, там цокнул. Одному мне ночью не только не было страшно и жутко, напротив, как будто к годовому празднику в гости приехал к родне. Только вот что: очень сыро было и холодно, а то бы тут же вместе с глухарями блаженно уснул. Вблизи где-то была лужа, и, вероятно, это туда с высоты огромных деревьев поочерёдно сучья роняли капли, высокие сучья были и низкие, большие капли были и малые. Когда я проникся этими звуками и понял их, то всё стало музыкой прекраснейшей взамен той хорошей обыкновенной, которой когда-то я наслаждался.

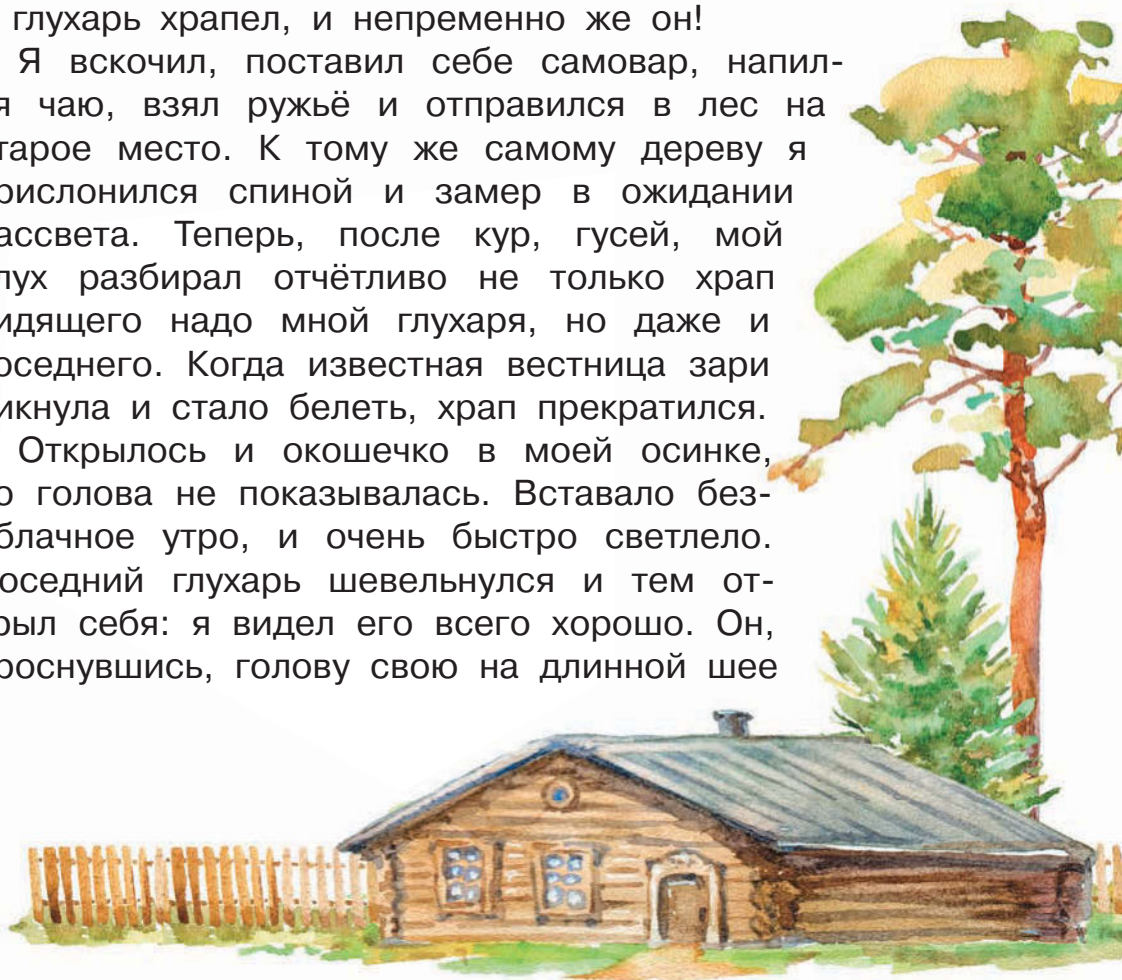
И вот, когда в диком лесу всё ночное расположилось по мелодии капель, вдруг послышался ни с чем не сообразный храп. Это вышло не из страха, что-то ни с чем не сообразное ворвалось в мой великий концерт, и я поспешил уйти из дикого леса, где кто-то безобразно храпит.

Когда я проходил по деревне, то везде храпели люди, животные, всё было слышно на улице, на всё это я обращал внимание после того лесного храпа.

Дома у нас в кладовке диким храпом заливался Серёжа, хозяйский сын, в чулане же Домна Ивановна со всей семьей. Но самое странное я услышал среди храпа крупных животных на дворе тончайший храп ещё каких-то существ и открыл при свете электрического фонарика, что это гуси и куры храпели. И даже во сне я не избавился от храпа. Мне, как это бывает иногда во сне, вспомнилось такое, что, казалось бы, никогда не вернётся на свет. В эту ночь вернулись все мои старые птичьи сны. И вдруг понял, что ведь это в лесу не кто другой, а глухарь храпел, и непременно же он!

Я вскочил, поставил себе самовар, напился чаю, взял ружьё и отправился в лес на старое место. К тому же самому дереву я прислонился спиной и замер в ожидании рассвета. Теперь, после кур, гусей, мой слух разбирал отчётливо не только храп сидящего надо мной глухаря, но даже и соседнего. Когда известная вестница зари пикнула и стало белеть, храп прекратился.

Открылось и окошечко в моей осинке, но голова не показывалась. Вставало безоблачное утро, и очень быстро светлело. Соседний глухарь шевельнулся и тем открыл себя: я видел его всего хорошо. Он, проснувшись, голову свою на длинной шее

бросил, как кулак, в одну сторону, в другую, потом вдруг раскрыл весь хвост веером, как на току. Я слышал от людей об осенних токах и подумал, не запоёт ли он. Но нет, хвост собрался, опустился, и глухарь очень часто стал доставать листы. В это самое время, вероятно, мой глухарь начал рвать, потому что вдруг я увидел в окошке его голову с бородкой. Он был так отлично убит, что внизу совсем даже и не шевельнулся, только лапами мог впиться крепко в кору осины, — вот и всё! А стронутые им листья ещё долго слетали.

Теперь, раздумывая о храпе, я полагаю, что это дыхание большой птицы, выходящее из-под крыла, треплет звучно каким-нибудь пёрышком. А, впрочем, верно я даже не знаю, спят ли действительно глухари непременно с запрятанной под крылом головой. Я это с домашних птиц беру. Догадок и басен много, а действительная жизнь леса так ещё мало понятна.

РАЗГОВОР ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Занятна охота на лисиц с флагами. Обойдут лисицу, узнают её лежку и по кустам на версту, на две вокруг спящей развешат верёвку с кумачовыми флагами. Лисица очень боится цветных флагов и запаха кумача, спугнутая ищет выхода из страшного круга. Выход ей оставляют, и около этого места под прикрытием ёлочки ждёт её охотник. Такая охота

с флагами много добычливей, чем с гончими собаками. А эта зима была такая снежная, с таким рыхлым снегом, что собака тонула вся по уши и гонять лисиц с собакой стало невозможно. Однажды, измучив себя и собаку, я сказал егерю Михал Михалычу:

— Бросим собак, заведем флаги, ведь с флагами можно каждую лисицу убить.

— Как это каждую? — спросил Михал Михалыч.

— Так просто, — ответил я. — После пороши возьмём свежий след, обойдём, затащим круг флагами, и лисица наша.

— Это было в прежнее время, — сказал егерь, — бывало, лисица суток трое сидит и не смеет выйти за флаги. Что лисица! Волки сидели по двое суток. Теперь звери стали умнее, часто с гону прямо под флаги, и прощай.

— Я понимаю, — ответил я, — что звери матёрые, не раз уже бывшие в переделке, поумнели и уходят под флаги, но ведь таких сравнительно немного, большинство, особенно молодёжь, флагов и не видывали.

— Не видывали! Им и видеть не нужно. У них есть разговор.

— Какой такой разговор?

— Обыкновенный разговор. Бывает, ставишь капкан, зверь старый, умный побывает возле, не понравится ему, и отойдёт. А другие потом и далеко не подойдут. Ну вот, скажи, как же они узнают?

— А как ты думаешь?

— Я думаю, — ответил Михал Михалыч, — звери читают.

— Читают?

— Ну да, носом читают. Это можно и по собакам заметить. Известно, как они везде на столбиках, на кустиках оставляют свои заметки, другие потом идут и всё разбирают. Так лисица, волк постоянно читают; у нас глаза, у них нос. Второе у зверей и птиц я считаю голос. Летит ворон и кричит. Нам хоть бы что. А лисичка наострила ушки в кустах, спешит в поле. Ворон летит и кричит наверху, а внизу по крику ворона во весь дух мчится лисица. Ворон спускается на пададь, а лисица уж тут как тут. Да что лисица, а разве не случилось тебе о чём-нибудь догадываться по сорочьему крику?

Мне, конечно, как всякому охотнику, приходилось пользоваться чекотанием сороки, но Михал Михалыч рассказал особенный случай.

Раз у него на заячьем гону скололись собаки. Заяц вдруг будто провалился сквозь землю. Тогда, совсем в другой стороне, зачекотала сорока. Егерь,

крадучись, идёт к сороке, чтобы она его не заметила. А это было зимой, когда все зайцы уже побелели, только снег весь растаял, и белые на земле стали далеко заметны. Егерь глянул под дерево, на котором чекотала сорока, и видит: белый просто лежит на зелёном мошку, и глазёнки чёрные, как две бобины, глядят. Сорока выдала зайца, но она и человека выдаёт зайцу и всякому зверю, только бы кого ей первого заметить.

— А знаешь, — сказал Михал Михалыч, — есть маленькая жёлтая болотная овсянка. Когдаходишь в болото за утками, начинаешь тихонько скрадывать, вдруг откуда ни возьмись эта самая жёлтая птичка садится на тростинку впереди тебя, качается на ней и попискивает. Идёшь дальше, и она перелетает на другую тростинку и всё пищит и пищит. Это она даёт знать всему болотному населению; глядишь — там утка не в меру вылетела, а там журавли замахали крыльями, там стали вырываться бекасы. И всё это она, всё она. Так по-разному сказывают птицы, а звери больше читают следы.

СОДЕРЖАНИЕ

Э тажи леса	2
Д ергач и перепёлка	7
Б еличья память.....	10
Л исичкин хлеб.....	11
Б елый ожерёлок.....	13
В ерхоплавка.....	16
Ё ж.....	17
З олотой луг	23
К уница-медовка.....	26
Л оси.....	28

Лягушонок 30

Медведь 34

Муравьи 36

Голубые песцы 38

Барс 40

Ночёвки зайца 46

Охота за бабочкой 47

Птичий сон 50

Разговор птиц и зверей 58

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П77

Серия «Первые книжки о животных»
Научно-популярное издание
Для младшего школьного возраста

Пришвин Михаил Михайлович РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

Коллектив художников

В книге использованы материалы, предоставленные фотобанком Shutterstock,
(стр.24 — annalisa e marina durante / Shutterstock.com)

Дизайн обложки *Н. Ворламовой*
Редактор *А.А.Мещерякова*. Художественный редактор *Е.А. Гордеева*
Технический редактор *Е.П. Кудиярова*. Компьютерная вёрстка *А.С. Филатовой*

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Подписано в печать 04.10.2017 г. Формат 70х90/16. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 5,0. Тираж экз. Заказ №

ООО «Издательство АСТ» 129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: malysh@ast.ru. Home page: www.ast.ru

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!

https://vk.com/AST_planetadetstva
https://www.instagram.com/AST_planetadetstva
<https://www.facebook.com/ASTplanetadetstva>

“Баспа Аста” деген ООО
129085, г. Москва, жұлдызды бульвар, д. 21, 1 кұрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru E-mail: malysh@ast.ru
Қазақстан Республикасында дистрибутор және оның бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3кв., литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Онімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.”
Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Пришвин, Михаил Михайлович.
П77 Рассказы о природе / М.М. Пришвин; худож. В. Стахеев, В. Бастрыкин, А. Мосалов, М. Каплиева, Е. Гордеева — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 56, [8] с.: ил. — (Первые книжки о животных).

ISBN 978-5-17-982490-9.

«Рассказы о природе» Михаила Пришвина — это замечательная книга для детей о том, как звери и птицы в лесу живут, как они между собой разговаривают, а ещё о том, какие травы в лесу цветут и почему луг весной золотой делается.
Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Пришвин М.М., насл., 2018
© Бастрыкин В.В., ил., 2018
© Гордеева Е.А., ил., 2018
© Каплиева М.Л., ил., 2018
© Мосалов А.А., ил., 2018
© Стахеев В.Ю., ил., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

У птиц и зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях, в самом низу; некоторые птички вроде соловья выют свои гнездышки прямо на земле; дрозды – повыше, на кустарниках; дупланные птицы – дятлы, синички, совы – ещё повыше.

«Рассказы о природе» Михаила Пришвина – это замечательная книга для детей о том, как звери и птицы живут в лесу, о чём и как между собой разговаривают, как спасаются от хищников и охотников.

Аванта

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-105852-4

9 785171 058524

ЕАС